

21 МАР 1956

К 90-летию со дня рождения А. М. Горького

Забывшие страницы

Многие из мемуаров об Алексее Максимовиче Горьком, опубликованных в двадцатых—тридцатых годах, разбросаны в различных «толстых» и «тонких» журналах, в литературно-художественных приложениях к ним и в газетах. Некоторые из этих воспоминаний в послевоенные годы были перепечатаны и вошли в сборники, посвященные памяти М. Горького, другие либо незаслуженно забыты, либо затерялись.

К таким забытым страницам относятся воспоминания К. П. Пятницкого «Тревожные слухи», напечатанные в сентябрьской тетрадке литературно-художественного сборника «Красная панорама» за 1928 год.

В 1901 году, после ареста Алексея Максимовича, распространились слухи, что правительство собирается конфисковать личные средства писателя. В кругу близких к Горькому лиц возник вопрос о необходимости обеспечить для него постоянный приток средств из-за границы. Вставал вопрос об издании его книг и постановке его пьес за рубежом. Организовать это взялся К. П. Пятницкий, руководивший делами издательства «Знание».

— Мой выбор, — вспоминает Пятницкий, — остановился на театре Макса Рейнгардта. Это был самый талантливый из германских режиссеров. В его распоряжении был Малый театр, расположенный на лучшей улице Берлина «Под липами». В театре сплотилась хорошо подобранная труппа. В начале сентября 1902 года я съездил в Нижний к Горькому и сообщил ему свои выводы. 14 сентября я подписал с Максом Рейнгардтом договор.

М. Рейнгардт оправдал ожидания Пятницкого. Он несколько раз присылал переводчика А. Шольца в Россию, чтобы получить необходимые указания и материалы, и не пожалел ни средств, ни труда, ни таланта, чтобы дать образцовую, исключительную постановку.

Первое представление «На дне» в Малом театре состоялось 23 сентября 1903 года. В зрительном зале была вся берлинская интеллигенция.

— У меня, — продолжает Пятницкий, — сохранились статьи немецких газет об этом исключительном вечере. Они позволяют воспроизвести настроение зрителей и критиков.

В германских театрах того времени господствовала и строго соблюдалась известная традиция. Зрители помнили теорию драмы, которую развивал Лессинг, и их прежде всего поразило, что Горький отступил от этой теории и ввел новую форму. По мнению газет, «Лессинг должен был бы, по крайней мере, двенадцать раз повернуться в своем гробу...»

Почему же публика, наполнявшая театр, так быстро примирилась с отступлением от традиции, с новизной формы? На это дает ответ статья обзорной газеты «Теглихе рундschau». «Разве это драма? — спрашивает он. И продолжает: — Ни в коем случае. Это картинная галерея

удачных образов, извлекаемых сильною рукою художника со дна человечества и выставляемых в ярком дневном свете. Перед нами проходит ряд резко очерченных типов: несчастных, потерпевших крушение в жизни, погибших и обездоленных. Художник мастерски изображает и заставляет нас угадывать социальные причины, обусловившие такое ужасное существование. Это документы позора нашей эпохи, пятно на нашей культуре. Но тем не менее эта мрачная картина освещена светом гуманности, распространяющейся как на вершины, так и на дно человеческой жизни. Что нам за дело в эту минуту, что это вовсе не драматическое произведение, написанное по всем правилам эстетики, когда все нервы у нас напряжены и дрожат под влиянием виденного. Все мы были потрясены до глубины души... Незабвенный вечер!..»

Пьеса «На дне» шла ежедневно, а театр был всегда переполнен.

В начале марта 1903 года переводчик пьесы А. Шольц по поручению М. Рейнгардта приехал к Пятницкому. Рассказы Шольца о берлинской постановке «На дне» Пятницкий кратко излагает в письме к Горькому (от 7 марта 1903 года):

«Дорогой Алексей Максимович! Вернувшись, застал у себя Шольца. Много рассказывал он об успехе

«На дне» в Берлине. Пьеса шла уже 50 раз. Театр всегда полон. Однажды приехал смотреть пьесу герцог Мекленбургский со свитой. Но так как они не позаботились раньше записаться билетами, для них не нашлось места. То же случилось с президентом берлинской полиции Фишером.

Приезжал Гауптман. Посмотрел и сказал: «Большая вещь, настоящая вещь». Некоторые критики пишут: «Горький достиг того, чего хотел достичь и не достиг Гауптман».

Несколько раз смотрел пьесу Бебель.

Помните, я показывал Вам письмо, подписанное актерами Малого театра. Мы не разобрали подписей. Оказывается, ниже актеров подписались Бебель и его жена. Бебель собирается писать вам.

Ввиду такого успеха труппа Малого театра расширяет дело. Оставляя за собой Малый театр, они занимают Новый театр. Он просторнее (900 мест), полный сбор 4000 марок. Им хочется закрепить за собою ваши пьесы. Вот и прислали Шольца. Но о разговорах с ним потом...»

Успех Рейнгардта увлек другие театры. Со всех концов Германии посылались просьбы о разрешении ставить «На дне».

Н. НАУМОВ.

Л. Н. Толстой и А. М. Горький в Ясной Поляне (1901 год).